

ТЕРРИТОРИЯ ПАМЯТИ

Вера ХАРЧЕНКО

ДЕТСКИЕ РАССКАЗЫ А. И. КУПРИНА: ВЗГЛЯД ИЗ XXI ВЕКА

Потом у писателя будет «Поединок», и «Гранатовый браслет», и «Суламифь», и «Олеся», и «Яма», и... Как все русские авторы, А. И. Куприн широк и многомерен. Но это, подчеркнем, не наша тема. Сегодня, сейчас мы остановимся всего лишь на трех небольших рассказах писателя: «Тапер» (1885), «Чудесный доктор» (1897) и «Слон» (1907), отнесенных к детской литературе, где они счастливо и пребывают. Однако смыслы, вложенные писателем в эти произведения, далеко не только детские.

Сюжеты этих рассказов, если очень коротко, таковы. Заболевшая девочка просит слона — настоящего, живого, и папа договаривается в цирке, и вот слон оказывается в гостях, и девочка в итоге выздоравливает. В другом рассказе не удалось заранее найти музыкантов в семью на большой праздничный вечер, и горничная Дуняша приводит какого-то мальчика, а потом оказывается, что игру этого мальчика слушает зашедший в гости Антон Григорьевич Рубинштейн, и забирает мальчика с собой, и — это уже за рамками рассказа — выучивает его на прекрасного пианиста. Третий рассказ — о докторе, который помогает бедной семье, дает деньги на лекарство для дочери, а в итоге десятилетний брат этой девочки (тоже впоследствии!) станет доктором.

Сюжеты куда уж проще, тем более что второй и третий рассказы написаны по живой канве. Основа у них очерковая. Так, реальная история с чудесным доктором произошла в Киеве, и знаменитый «старичок», спасший семью, оказывается, был не кем иным, как Н. И. Пироговым. А про историю с тапером сам Куприн рассказывал так: «Кстати

Вера Константиновна Харченко родилась в Калинин (Тверь), окончила Новосибирский педагогический институт и аспирантуру при кафедре русского языка Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и русской литературы Белгородского государственного национального исследовательского университета. Автор более 600 научных работ и пяти поэтических сборников. За двухтомный «Словарь богатств русского языка» в 2004 году удостоена медали ВВЦ (ВДНХ). Живет в Белгороде.

заметим, что основная фабула его покоится на действительном факте, сообщенном автору в Москве М. А. З-вой, близко знавшей семью, названную в рассказе вымышленной фамилией Рудневых».

И тем не менее первое, что бросается в глаза, так это некая иррациональность добра. Апофеозом этого является слон — да-да, тот самый, пришедшей к больной девочке. Можно было отказаться от этой сумасшедшей затеи, но маленькая Надя умирала, и отец решается на такой шаг. Иррациональность сквозит в рассказе «Тапер». Усомнившись в способностях музыканта, одна из сестер, Лидия Аркадьевна, вынудила мальчика признаться, что он играет все сонаты Бетховена, все вальсы Шопена и рапсодии Листа, и чтобы доказать это, мальчик играет одну трудную вещь. Потом является к отцу его знакомый, знаменитый композитор и пианист, и «иррациональное добро» в отношении юного музыканта счастливо осуществляется. Наконец, в третьем рассказе эта иррациональность доброты сквозит на скамейке в разговоре доктора и отца семейства, что оборачивается счастливым вмешательством в жизнь семьи, и мальчик решает впоследствии стать тоже врачом, доктором, призванным спасать людей.

И вот в сюжеты каждый раз вмешивается вторая особенность рассказов — счастливый случай. Тема счастливого случая прошла мимо нашей литературы. Как пишет Д. Шеваров, последним произведением, где работает счастливый случай, являются «Повести Белкина» Пушкина. А потом — все, провал, счастливые случаи ушли из литературы¹. И тем ценнее для нас тексты, пусть детские, в которых этот счастливый случай работает, живет, функционирует. У директора цирка, хозяина слона тоже есть девочка, дочка Лиза, которой тоже шесть лет, и хозяин не сразу, конечно, но понимает отца маленькой Нади, вынуждающего его идти на такой шаг. И потом, может быть, этот хозяин просто добрый человек? Счастливой оказалась встреча случайного мальчика и выдающегося музыканта. Счастливым участие уважаемого доктора к семье бедного человека. Нередко счастливый случай напрямую поддерживает иррациональность доброты, без этого трудно представить себе жизнь в щедром и непредсказуемом ее многообразии.

Третье, что не сразу, но бросается в глаза, так это добрый фон: быт семьи, в которой много детей («Тапер», «Чудесный доктор»), и во всех трех рассказах — много любви к детям. Когда я читаю «Тапера» Куприна, то мне все время кажется, что в этом рассказе сосредоточен, как в капле, роман «Война и мир» Л. Н. Толстого — настолько славно выписана вся семья, в которой разворачивается маленькое событие. Рассказ и роман? А почему бы и нет? Это жизнь России XIX века, в которой было много не только плохого, но и хорошего.

Семья Рудневых принадлежала к одной из самых безалаберных, гостеприимных и шумных московских семей, обитающих испокон века в окрестностях Пресни, Новинского и Конюшков и создавших когда-то Москве ее репутацию хлебосольного города. Дом Рудневых — большой ветхий дом доекатерининской постройки, со львами на воротах, с широким подъездным двором и с массивными белыми колоннами у парадного — круглый год с утра до поздней ночи кишел народом. Приезжали без всякого предупреждения, «сюрпризом», какие-то соседи по наровчатскому или инсарскому имени, какие-то дальние родственники, которых до сих пор никто в глаза не видал и не слышал об их существовании, — и гостили по месяцам. К Аркаше и Мите десятками ходили товарищи, менявшие с годами свою оболочку, сначала гимназистами и кадетами, потом юнкерами и студентами и, наконец, безусыми офицерами или щеголеватými, преувеличенно серьезными помощниками присяжных поверенных. Девочек постоянно навещали подруги всевозможных возрастов, начиная от Катиных сверстниц, приводивших с собою в гости своих кукол, и кончая приятельницами Лидии, которые говорили о Марксе и об аграрной системе и вместе

¹ Шеваров Д. Пьеро Белкин // Новый мир, 1999, № 4.

с Лидией стремились на высшие женские курсы. На праздниках, когда вся эта веселая, задорная молодежь собиралась в громадном рудневском доме, вместе с нею надолго водворялась атмосфера какой-то общей наивной, поэтической и шаловливой влюбленности.

В рассказе «Чудесный доктор» вся тяжесть ситуации падает на отца семейства. Отец решает все — и не может решить, и, доведенный до отчаяния, в разговоре с доктором он срывается, говорит много такого, что наболело на душе.

Мерцалов вообще был кротким и застенчивым человеком, но при последних словах незнакомца его охватил вдруг прилив отчаянной злобы. Он резким движением повернулся в сторону старика и закричал, нелепо размахивая руками и задыхаясь: — Подарочки!.. Подарочки!.. Знакомым ребятишкам подарочки!.. А я... а у меня, милостивый государь, в настоящую минуту мои ребятишки с голоду дома подыхают... Подарочки!.. А у жены молоко пропало, и грудной ребенок целый день не ел... Подарочки!..

Мерцалов ожидал, что после этих беспорядочных, озлобленных криков старик поднимется и уйдет, но он ошибся. Старик приблизил к нему свое умное, серьезное лицо с седыми баками и сказал дружелюбно, но серьезным тоном: — Подождите... не волнуйтесь! Расскажите мне все по порядку и как можно короче. Может быть, вместе мы придумаем что-нибудь для вас. В необыкновенном лице незнакомца было что-то до того спокойное и внушающее доверие, что Мерцалов тотчас же без малейшей утайки, но страшно волнуясь и спеша, передал свою историю. Он рассказал о своей болезни, о потере места, о смерти ребенка, обо всех своих несчастиях, вплоть до нынешнего дня.

Действительно, этому человеку не позавидуешь.

Три месяца тому назад умерла одна девочка, теперь другая лежит в жару и без сознания. Елизавете Ивановне приходилось одновременно ухаживать за больной девочкой, кормить грудью маленького и ходить почти на другой конец города в дом, где она поденно стирала белье.

Семья, оказывается, была главным козырем для этого человека. В ее благополучие все упиралось.

В рассказе «Слон» о семье мало говорится, но поведение матери, ее отношение к отцу семейства и к больной дочке заслуживает внимания.

Мы говорим о семье как о фоне, на котором все происходит, и этот фон, повторим, настолько естествен, что мы и не мыслим о другом варианте. Да, мама Рудневых устает от вечного шума в семье, ревнует отца, старшая дочь несколько высокомерна, отец играет в карты, любит проводить вечера не дома — все это так, но есть и общее, объединяющее их, создающее сложнейший феномен — семью.

Рассказ в отличие от очерка имеет одну особенность: он шире, масштабнее обычного считывания жизни. К очерковости мы еще вернемся. Но сейчас важно подчеркнуть высокую правду рассказов. И проступает следующее достоинство рассказов: роль отца в семье. На этом остановимся несколько подробнее. Так как игрушечный слон не помог девочке, папа решается на неожиданный шаг — пригласить в гости настоящего слона, слоника, и благодаря его настойчивости, его усилиям, его вере происходит событие рассказа. Отец играет ведущую роль, хотя это и незаметно, в рассказе «Тапер». Маме некогда: у нее большое семейство: Митя, Аркадий, Лидия, Татьяна, Тина, Катя — мы назвали только известных по рассказу детей, и отец берет под незримый контроль жизнь детей старших. Вот и сейчас: к нему приходит выдающийся пианист и композитор, и он демонстрирует мальчика, и он вручает деньги мальчику, хотя тот мог бы еще играть для гостей, и он радуется за будущее юного пианиста. Обратим

внимание, как он ведет себя в семье: с ним советуются, что подарить на день рождения; чувствуется его опыт, его мудрость...

Неизменное участие принимал ежегодно Аркадий Николаевич и в елке. Этот детский праздник почему-то доставлял ему своеобразное, наивное удовольствие. Никто из домашних не умел лучше его придумать каждому подарок по вкусу, и потому в затруднительных случаях старшие дети прибегали к его изобретательности. — Папа, ну что мы подарим Коле Радомскому? — спрашивали Аркадия Николаевича дочери. — Он большой такой, гимназист последнего класса... нельзя же ему игрушку...

— Зачем же игрушку? — возражал Аркадий Николаевич. — Самое лучшее купите для него хорошенький портсигар. Юноша будет польщен таким солидным подарком. Теперь очень хорошенькие портсигары продаются у Лукутина. Да, кстати, намекните этому Коле, чтобы он не стеснялся при мне курить. А то давеча, когда я вошел в гостиную, так он папироску в рукав спрятал...

Ну, можно было придумать что-нибудь посимпатичнее этой папироски, но жизнь есть жизнь, и семейный быт требует своей правды. Каждый из трех рассказов вскрывает живую жизнь России, и нет в них ничего сладкого, придуманного, привнесенного.

Если первые две особенности рассказов: иррациональность добра и счастливый случай — видны, что называется, невооруженным взглядом, то семейный «фон» и роль отца в семье — до этого надо додумываться, это не сразу становится понятным, прозрачным. Через годы Великая Отечественная война лишит многие семьи мужчин, отцов. Матери начнут исполнять не свойственные им функции. И постепенно значимость отцов в семье начнет устремляться к нулю. Нужны не годы, нужны десятилетия, чтобы воссоздать роль отца, его особую функцию. При Сталине алиментов не было, пишет Л. Гришковец², Сталин отменил алименты в 1944 году, и женщины боялись тогда говорить отцам семейства многое из того, что потом вошло в их речь. А судьбы матерей-одиночек! Еще в 80-х годах, когда я получала свидетельство матери-одиночки, то услышала: «Много вас таких!» Шли годы. А теперь увеличение сумм материнской поддержки обернулось вообще нежеланием некоторых женщин вступать в брак: им и так хватает средств! Возникла экономическая коллизия: люди живут вместе, но псевдожена получает материнское пособие. Это мы написали с высоты XXI века, но...

Но мы отвлеклись, вернемся к рассказам. В них есть и такая особенность, как речь героев. Приведем пример: *Поравнявшись со скамейкой, незнакомец вдруг круто повернул в сторону Мерцалова и, слегка дотрагиваясь до шапки, спросил: — Вы позволите здесь присесть?*

Заболевшая девочка говорит детской, но весьма изысканной речью. Не все современные дети, увы, так говорят.

— Я тебе очень, очень благодарна, милый папа. Я думаю, ни у кого нет такой интересной игрушки... Только... помнишь... ведь ты давно обещал свозить меня в зверинец, посмотреть на настоящего слона... и ни разу не повез...

— Я устала... Извини меня, папа...

Девочка протягивает немцу свою маленькую бледную ручку. — Здравствуйте, как вы поживаете? — отвечает она. — Я вовсе ни капельки не боюсь. А как его зовут? — Томми. — Здравствуйте, Томми, — произносит девочка и кланяется головой. Оттого что слон такой большой, она не решается говорить ему на ты. — Как вы спали эту ночь?

По речи мы судим о человеке, и ведь еще древние говорили: «Язык — венец воспитания». Изящная, изысканная речь девочки незаметна, она, конечно, не главное, но тем самым она сильнее влияет на юных читателей рассказа.

² Гришковец Л. Квадратура круга? // Иностранная литература. 2006. № 12. С. 233–237.

Выше мы упомянули, что две истории из трех написаны на реальных случаях, и это весьма показательно. Ситуации с музыкантом и с доктором вполне очерковые, и писатель, будучи искренне восхищен случившимся, не мог не рассказать об этом. Но «Слон»? История была написана в 1907 году — тяжелое время между двумя революциями. И этот пафос детской мечты, это торжество доброты со стороны, конечно же, и отца Нади, и директора цирка, и полицейского, и соседей, на которых сыпалась штукатурка, когда слон поднимался на второй этаж, — все это сработало, и девочка выздоровела. Вспоминается история написания А. И. Кустодиевым его известной картины «Купчиха». Там пышная женщина сидит за столом, уставленным яствами: скобы арбузов, персики, пироги, чай — не верится, но это правда: картина была написана в 1918 году, в голод и холод очень большим художником. Вот как об этом пишут:

Он прожил мало — всего сорок девять лет. И большую часть своей жизни жестоко страдал — у него была опухоль позвоночника. И сначала рука отнялась; были жестокие боли. Потом ноги отнялись. И вторая рука еле двигалась. Тогда особо лечить не умели, хотя сделали операцию. Но болезнь не отступила. И художник лежа писал свои яркие и красочные картины. Он не мог гулять, ездить на отдых, любоваться видами природы. Он говорил, что все картины — у него в голове. А он их оттуда срисовывает. Для людей. Для радости и счастья.

В трудные годы людям так нужны идеалы, и неважно, что они не всегда сбываются, надо в них верить. Идеалоносителями могут выступать и чужие люди, и члены семьи. Точнее сказать, здесь играют роль некие образы, основанные на реальных или вымышленных персонажах. «А идеалом мы называем нечто, что является некоторой абстрактной высокой нормой, полностью не осуществляемой, но витающей перед нашим сознанием и нас направляющей», — читаем у М. К. Мамардашвили³. Среди функций чтения есть функция не сразу заметная, телеологическая: с кого брать пример, кто служит ориентиром в жизненном пути? И для реализации этой функции как раз и нужны «детские» (читай: идеальные!) рассказы, повести, романы — вообще книги.

В начале своего изложения мы напомним читателю, что все три рассказа отнесены к детской литературе. Журнал «Дружба народов» (2019, № 11) опубликовал очерковые материалы заочного круглого стола «Только детские книги читать...», где восемнадцать авторов рассказывают о своем детском чтении, которое, как оказывается, по своему пафосу и не детское вовсе. «Я так и живу в тех сказках», «Книга заговорила со мной обо мне», «Манифест нежности», «Я полюбил миледи», «„Магия“ всегда со мной», «Концентрированный заряд счастья», «Умножение твоей жизни на чужую жизнь»... Так обозначены в журнале признания читателей. И детская литература стоит в особом ряду, поскольку сохраняется в памяти надолго, если не навсегда. Впрочем, взрослые признаются в этом редко, но если признаются, то рассказывают о детском чтении подробно, с примерами из книг, памятных с младенческих лет.

У писателя исключительно трудная миссия: описывать все, что его окружает (а иначе — зачем вообще писать?), и вместе с тем описывать идеальное прочтение, то есть идеальное решение обозначенных ситуаций. Такого в литературе сейчас нет? А может быть, оно есть, только мы его не видим, не считываем?

И последнее. Обратимся к упомянутой выше конкретике. «Книга заговорила со мной обо мне» — это о «Подростке» Достоевского. «„Мифы древней Греции“ и по сей день моя настольная книга» — это признание идет под заголовком «Черная книга с терракотовыми людьми». «Я полюбил миледи» — это из объяснения про книгу Дюма. Не Атоса, не Арамиса, не Д'Артаньяна полюбил мальчик — «Я читал книгу, куплен-

³ Мамардашвили М. К. Из краткого введения в философию // Вопросы философии, 2000, № 12. С. 69.

ную за сданную макулатуру, и понимал, что миледи гениальна»⁴. Во Франции прозаик и поэт Фрио Бернар проводил эксперимент: раскладывали на столах самые разные книги, и ребенок, подросток сам должен был решить, какую книгу он обязательно прочтет, а какую ни за что не откроет.

Смысл чтения в том, чтобы потеряться! Потеряться необходимо. Только потерявшись, можно себя найти. Литературный мир, как и мир в целом, должен быть максимально открытым для ребенка. Ведь именно в детстве формируется та база — интеллектуальная, психологическая, морально-нравственная, — из которой потом выкристаллизовывается личность⁵.

У нас детская литература стоит особняком от литературы взрослой. Между тем и детская, и взрослая литература — это единая русскоязычная литература, благодаря которой взрослый человек навсегда остается еще и ребенком, а ребенок мыслит себя как взрослый представитель нации. Почему мы помним подчас совершенно неожиданное: и маленькую Надю, беседующую со слоном, и Юрия Азагарова, получившего возможность учиться у самого Рубинштейна, и Володю, решившего стать таким же доктором, как Н. И. Пирогов.

⁴ «Только детские книги читать...» // Дружба народов, 2019, № 11. С. 8.

⁵ Фрио Бернар. «Только потерявшись, можно себя найти» // Новый мир, 2015, № 2. С. 134.